

УДК 271.22(470)(091)+9(47)»1914»

Московские старообрядцы в Первую мировую войну. Из истории Рогожского кладбища

Е. А. Агеева

Музей истории МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва

Аннотация. В статье, основанной на неопубликованных и опубликованных источниках и литературе, рассказывается об участии старообрядцев в Первой мировой войне, их помощи тылу, о влиянии веры и обряда на взаимоотношения в армии и в условиях гражданского общества.

Ключевые слова: старообрядчество, старообрядцы, Первая мировая война, старообрядцы на фронтах, помощь фронту, Рогожское кладбище, Белокриницкая иерархия.

Старообрядцы Русской православной старообрядческой церкви разделили с Отечеством все тяготы и страдания Первой мировой войны. Центром и средоточием всей, в том числе и военной, старообрядческой жизни была архиепископия на Рогожском кладбище в Москве.

Владыка Иоанн в начале войны оставил свою резиденцию и предоставил ее для нужд лазарета, содержавшегося на пожертвования. Жертвовали всем: деньгами, одеждой, бельем.

Иереи Белокриницкой иерархии следили за нахождением в лазаретах Москвы воинов-старообрядцев, о чем писали в канцелярию архиепископии. Даже не полностью сохранившиеся донесения позволяют установить места расположения лечебниц и представляют Москву как один большой лазарет.

Так, 17 декабря 1914 г. иерей Михаил Волков¹ – настоятель храма во имя Покрова Божией Матери Замоскворецкой общины – писал: «В моем ведении находится до десяти лазаретов...» [7]. Тогда же священник Самуил Иванович Рогов из храма Тихвинской царицы Небесной на Хавской ул., д. 23/1² писал

¹ Отец Михаил Миронович Волков, из крестьян Ярославской губернии, родился 5 ноября 1855 г. С 25 марта 1891 г. служил в Замоскворецкой общине [3]. Храм (современный адрес – Новокузнецкая улица, 38) был построен в 1909–1910 гг. (архитектор В. П. Десятов). В интерьере сохраняются фрагменты росписей иконописной мастерской Я. А. Богатенко. Закрыт около 1930 г. В 1990 г. передан общине Русской древлеправославной церкви.

² Храм Тихвинской иконы Божией Матери на Хавской улице в Москве построен старообрядческой общиной в 1911–1912 гг. по проекту архитектора Н. Г. Мартьянова. Исторически местность у Хавской улицы была населена старообрядцами. В XIX в. в доме Михайлова находилась моленная, в которой в 1898 г. был возведен на кафедру архиепископ Московский и всея Руси Иоанн (Картушин). В 1909 г. была учреждена Тихвинская старообрядческая община Белокриницкой иерархии [1, с. 167]. В настоящее время храм не принадлежит РПСЦ.

архиепископу Иоанну и епископу Александру, возглавлявшему канцелярию: «Лазаретов в нашем районе 8» [8, л. 4–4 об.].

Шестого января 1915 г. священноиерей Самсон Семенович Веревкин общал адреса лазаретов, которые он посещал, в том числе лазарет в доме Назаровых в Рыкуновом переулке, лазарет в Потребительском союзе, в Малом Переведеновском и др. [8, л. 8–8 об.].

На фронтах сражалось множество старообрядцев. Под ружье, сменив книги на винтовки, встали почти все начетчики. Казак Иван Васильевич Попов в мирной жизни был учителем знаменного пения и числился в 32-й сотне Оренбургского казачьего полка. С первого дня войны был на фронте. За храбрость в боях был награжден серебряной медалью [10, с. 65].

Сразу после объявления манифеста о вступлении России в войну Владимир Павлович Рябушинский – представитель известной династии, автор труда «Старообрядчество и русское религиозное чувство» и ряда других, был допущен к несению службы «на собственных автомобилях» при штабе корпуса. В дальнейшем, до ранения ружейной пулей в грудь на вылет 16 июля 1915 г., он участвовал во всех боях в составе этого корпуса. После выздоровления вернулся в действующую армию. Выполнял ряд сложных секретных операций, был отмечен многими наградами. Находился на службе до 9 февраля 1918 г. [9, с. 5–30].

Старообрядец Белокрыницкого согласия Алексей Григорьевич Белов из Нижегородской губернии, подпрапорщик кавалергардского государственного императрицы Марии Федоровны полка к началу 1916 г. был ранен 18 раз, 4 раза находился на излечении в госпиталях. За боевые подвиги был награжден георгиевскими крестами всех четырех степеней и имел две георгиевские медали за храбрость [10, с. 41].

Однако в мирской жизни старообрядцы, несмотря на закон о вероисповедных свободах, подвергались дискриминации. Как отмечал старообрядческий историограф Федор Ефимович Мельников, «когда старообрядцы кровью и жизнью и всеми средствами защищали свою родину, им отказывали в праве поступления в военные училища и даже в получении звания “прапорщика запаса”» [2, с. 549].

Выпускникам Чистопольской школы прапорщиков предложили перейти в синодальную церковь. Несогласившихся отправили на фронт простыми солдатами. Только после многочисленных ходатайств старообрядцев стали допускать к получению офицерского звания. Все учащиеся старших курсов старообрядческого богословско-учительского института после дополнительных прошений были допущены сдать экзамены на прапорщиков запаса при Московском военном округе, и в таком звании они отправились на театр военных действий [Там же, с. 550].

Однако в ходе мировой войны на старообрядцев обратили внимание. Так, для обустройства военно-полевой жизни как воинов, так и более 10 священников Белокрыницкой иерархии, духовно окормлявших «солдатиков», на Северном, Западном, Юго-Западном, Черноморском и Кавказском фронтах под гла-

венством архиепископа Иоанна (Картушина), а затем Мелетия (Картушина) была создана Комиссия по ходатайствам [5].

Впервые старообрядческий священник Дмитрий Смирнов участвовал еще в Русско-японской войне, но тогда это был единичный факт [11].

Во время Первой мировой войны стала создаваться настоящая система духовного окормления воинов старообрядческого исповедания, учитывающая его особенности. И в материалах Комиссии, и в письма и отчетах священников с передовой практически нет описания сражений и подвигов, но перед нами предстают повседневные будни, праздники, торжественные богослужения, парады.

Комиссия занималась распределением священства по фронтам, их перемещением, обустройством военно-полевой жизни. Так, значительное время не было священника на Румынском фронте, выделенном из Юго-Западного.

По положению к священнику должны были быть приставлены псаломщики и денщики. Последние утверждались по одному на двух иереев, что вызвало неудобства для иереев.

Важнейшим вопросом было разрешение старообрядцам сохранять бороду. Такие запросы поступали неоднократно. Ответ протопрезвитера Георгия Щавельского, направленный на имя главы Комиссии старообрядческого епископа Петроградского и Тверского Геронтия (Лакомкина), свидетельствовал, что «на основании статьи 855 кн. VII Свода военных постановлений 1889 г. изд. второе, нижним чинам не возбраняется ношение бороды» [5, л. 10]. Также отмечалось, что отдельные случаи принуждения к бритью бород будут рассмотрены особо. Тем не менее и в дальнейшем было немало жалоб на нарушение этого постановления. В письме от 27 февраля 1917 г. иерей Северного фронта Дмитрий Мартинианович Смирнов, ставший первым военным священником еще в годы Русско-японской войны, писал владыке Александру: «Относительно стеснения в войсках, многие заявляют, что их принуждают брить бороду. Это мне заявляли в 28-м корпусе 1-й Кавказской дивизии, и в других. Некоторые говорили, что ставят под винтовку за послушание бритья бороды... А начальник штаба Кавказской дивизии просил меня сказать проповедь о том, чтобы брили бороды старообрядцы для того, чтобы при надевании маски плотнее прилегала к телу. Я, конечно, возражал, тогда он предложил хотя бы с боков и под бородой убрать волосы. Я думаю со своей стороны, не следовало бы предпринимать каких-либо мер об этом, ибо с Вашей стороны сделано все нужное» [4, л. 5–5 об.].

Владимир Макаров – старообрядческий деятель, начетчик, публицист и историк, автор истории Рогожского кладбища, сообщал, что «10 января 1917 г. по 3-й армии, в состав которой входит управление интенданта, в коем я состою делопроизводителем, отдан приказ не понуждать старообрядцев брить бороды, со ссылкой на ходатайство Ваше и владыки Александра. С нами, видимо, все-таки считаются!» [Там же, л. 28]. А 7 февраля 1917 г. также на имя епископа Геронтия поступило донесение из Главного управления Генерального штаба, где, казалось, разрешались насущные проблемы – исключалась возможность каких-либо стеснений в отношении традиционного внешнего вида старообрядцев. Вопрос о денщиках также был разрешен «в благоприятном смысле» [Там же, ед. 10, л. 17].

Владыке Геронтию в Комиссии принадлежала значительная роль. Он писал: «Дел ужасно много. Один за всех: и за послушника, и за письмоводителя, и за секретаря. Простите за небрежность. Нередко устаю, но вспоминаю слова Марковны – «Доколе?». «До гроба», – ответил ей св. Аввакум. Стало быть, и нам пока есть время и возможность делать благое дондеже время имама» [Там же, л. 14 об.].

Его соратником, основным исполнителем, автором воззваний и иных документов, исходящих из архиепископии, был другой епископ – Рязанский и Егорьевский Александр (Богатенков). Он обладал огромным опытом работы по организации канцелярии, типографии, учебных заведений, был знатоком древнерусского пения. Именно он составлял прошения и запросы, вел значительную переписку по самым разным вопросам как со священниками, так и с прихожанами. Так, иерей Кавказского фронта Кондратий Петрович Пушечкин настойчиво писал на Рогожское кладбище о необходимости походной церкви по примеру Западного и Северного фронтов: «Без Церкви нам, владыко святой, очень плохо. При удобном месте отслужить бы Обедню среди отсутствующих от дорогой Родины, и защитникам Отечества было очень приятно» [6]. К вопросу о походной церкви он возвращается и в дальнейшем. Однако получает известие, что «это не нужно, и мы должны жить в глубоком тылу».

Но, с точки зрения иерея, выгодно и лучше жить на позициях [Там же, л. 6–6 об.].

Повседневную жизнь старообрядческого иерея на фронте описывает священник Западного фронта Алексей Михайлович Журавлев в письме на Рогожское кладбище: «Настоящим долгом считаю сообщить вам о моей деятельности на фронте. 4 декабря выехал на фронт передовых линий, где пробыл до 29 декабря. В это время я проехал на конях 363 версты, из этого числа 60 верст я проехал верхом. Был в передовых окопах, где подвергался неприятельскому орудийному обстрелу, и пришлось проехать верхом во весь карьер на лошади верст около пяти, пока не скрылись за гору от места неприятельских позиций, которые не преминули по нам сделать несколько выстрелов...» [4, л. 22–22 об.].

Деятельность отца Алексея была высоко оценена старообрядцем Белокриницкого согласия, 28-го Донского казачьего полка Акиндином Леонтьевичем Фроловым, писавшим владыке в 1916 г.: «В один из дней декабря месяца с/г. по внушению самого Господа Бога, нас воинов под неприятельским обстрелом посетил передовые окопы занимаемые полком на расстоянии от врага 400–500 шагов обожаемый от. Алексей Михайлович Журавлев. <...> Я первый удостоился получить благословение, после которого я чувствую себя так легко, так хорошо. Я готов теперь ко всему. Пусть со мной случается все – я готов» [Там же, л. 24].

Священник Кавказского фронта Кирик Георгиевич Мушнин, как и другие иереи, был обеспокоен отсутствием необходимой богослужебной литературы: «Присланные Вами книги все роздал нашим доблестным воинам старообрядцам. Больше роздал казакам кубанцам и донцам. Очень благодарны и рады казаки, что Вы не забываете их, находя здесь в непроходимых заоблачных горах. Конечно, канонов надо бы за сто, но и за это спаси Христос. Многие

утеряли нательные кресты, если сообразоволите, то пришлите» [Там же, к. 221, ед. 34, л. 1–2].

В другом письме о. Кирик писал: «Я посетил бригаду донских казаков, которые усиленно меня просили посетить их и во время Святого великого поста и встретить вместе с ними день святого Христова Воскресения. Со своей стороны я дал им согласие, но беда в том, что у меня с собою нет службы Святой Пасхи. Обращаюсь с покорнейшей просьбой, не найдется ли службы Вербному Воскресенью, благоволите выслать... письменное слово Божие» [Там же, л. 3–4].

Однако 5 сентября 1917 г. о. Кирика исключили из штата. Командование решило, что достаточно одного священника при армии [Там же, к. 221, ед. 63, л. 7]. На деле священников было недостаточно. Недоставало и походных церквей, а надежды на получение церкви не было никакой [Там же, л. 9].

В феврале 1917 г., несмотря на прошения архиепископии, пришел окончательный и отрицательный ответ из Главного штаба: «Сооружать походную церковь в настоящее время очень трудно и дорого. Вы должны находиться ближе к передовым позициям, или в лазаретах в тылу, а не проживать в одном месте (к слову, именно об этом и писал о. Кондрат в письмах). Возить же церковь неудобно всюду. Готовых походных храмов сейчас нет, все розданы, вновь же не сооружают. Итак, трудитесь и молитесь, как дозволяет общество» [Там же, л. 7 об.–8].

Не имея походных церквей, священники и воины молились где придется. Так, иерей Афанасий Милованов писал на Рогожское кладбище: «Встречали Св. Пасху в Риге, собирали войско Северного фронта всех корпусов, помолились в храме Матвея Сидоровича Кузнецова, певчих было 30 человек, а всего – 185» [Там же, к. 186, д. 4, л. 11].

Интенсивную переписку как общего характера, так и личную, вел настоятель Севастопольской старообрядческой общины священник Иаков Никулин. Община в Севастополе стала быстро расти в связи с присутствием большого числа старообрядцев во флотских экипажах. Постоянной заботой иерея Иакова было добиться от штаба командующего Черноморским флотом и Севастопольским гарнизоном, чтобы старообрядцы были беспрепятственно отпускаемы для слушания богослужения в старообрядческий моленный дом на ул. Екатерининской, 100. О необходимости увольнения низших чинов приходилось напоминать неоднократно. Беспокоило священника и употребляемое часто оскорбительное устоявшееся выражение «австрийское священство», которое он требовал заменить на «белокриницкое». Малые размеры моленной не вмещали всех желающих молиться. Отец Иаков постоянно обращался в архиепископию на Рогожское кладбище и к жертвователям, убеждая начать строительство храма. Он хотел дать духовную пищу возможно большему числу христиан-старообрядцев – жителей Крыма. Отец Иаков надеялся, что ему разрешат свободно, хотя бы во время Великого поста, объезжать Ялту, Феодосию, Керчь. Военное командование соглашалось расширить влияние отца Иакова, но требовало от него большей сановитости, внешней солидности, поскольку он представлял архиепископию богатейшей Москвы и окормлял христиан могущественного русского флота. Но у него было скромное облачение. Он называл его

мишурным, не носил наперсный крест, на что ему не раз указывало командование. Отец Иаков решается обратиться на Рогожское кладбище с просьбой выслать ему все необходимое. Архиепископ Мелетий направил благословение: «Благоговейному протоиерею Иакову Никулину. Сим назначаю Вас, о. протоиерей, Благочинным над всем побережьем Черного и Азовского морей и надеюсь, что Вы оправдаете мое к Вам доверие, и примите все зависящие от Вас меры, чтобы доблестные наши воины, защищающие “даже до крове” Святую Русь, а равно и наши братья-старообрядцы, разбросанные по берегам Черного и Азовского морей, не оставались без удовлетворения их духовных нужд и без пастырского о них попечения» [Там же, л. 127]. Несколько дней спустя отец Иаков узнал, что «облачение парчовое выпросили у отца Варфоломея», собирались приобрести наперсный крест и скуфию [Там же, л. 129].

Стремительно развивающиеся события не способствовали налаживанию духовной жизни старообрядчества на фронте и привели отца Иакова к следующему заключению. В письме к епископу Александру от 28 ноября 1917 г. он сообщал: «Пишу со слезами. Не буду описывать то, что и у Вас Бог попустил, это всеобщее несчастье наше и всего нашего дорогого Отечества. Боже! Спаси нашу Русь Святую!» [Там же, к. 221, ед. 36. л. 31 об.]. Все сказанное свидетельствует, что духовное напутствие было важнейшим для воинов-старообрядцев.

Проникновенно звучат слова послания 1916 г. из Москвы от имени всех старообрядческих епископов: «Будем же непоколебимо верить, что Всемогущий Господь победит, сокрушит и развеет, как прах под ногами нашими, всех супостатов и врагов нашей дорогой Родины. Но, надеясь на Бога, мы должны напрягать все наши силы для избавления Отечества от вторгшегося в его пределы врага, должны неизменно укрепиться в решимости смело и мощно довести войну до спасительного конца».

Список литературы

1. Зодчие Москвы времени эклектики, модерна и неоклассицизма (1830–1917-е гг.): иллюстрир. биограф. словарь / А. Ф. Крашенинников, М. И. Аруин, Е. М. Башкирова; науч. ред. А. Ф. Крашенинников; ред. А. В. Рогачев. – М.: КРАБиК, 1998. – 321 с.
2. Мельников Ф. Е. Краткая история Древлеправославной (Старообрядческой) Церкви / Ф. Е. Мельников. – Барнаул: Лествица, 1999. – 570 с.
3. РГАДА. Ф. 1475. Оп. 1. Д. 550. Л. 31.
4. РГБ. Ф. 246. К. 186. Ед. 4.
5. РГБ. Ф. 246. К. 211. Ед. 10.
6. РГБ. Ф. 246. К. 221. Ед. 63. Л. 5.
7. РГБ. Ф. 246. Оп. 1. Ед. 2. Л. 1.
8. РГБ. Ф. 246. Оп. 186. Ед. 2.
9. Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство / В. Рябушинский; сост., вступ. очерк и коммент. В. В. Нехотина, В. Н. Анисимовой, М. Л. Гринберга. – М.: Мосты культуры, 2010. – 452 с.
10. Слово Церкви. – 1916. – № 3.
11. Юхименко Е. М. Письма старообрядческого священника Димитрия Смирнова с русско-японской войны 1904–1905 гг. / Е. М. Юхименко // Старообрядчество Сибири

и Дальнего Востока. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи : материалы IV Междунар. науч. конф. (Владивосток, 14–17 сент. 2004 г.). – Владивосток, 2005. – С. 46–59.

Moscow Old Believers during World War I. From the History of Rogozhskoye Cemetery

E. A. Ageeva

The Lomonosov Moscow State University Museum of History, Moscow

Abstract. The paper is based on both published and unpublished sources and writings. The paper is concerned with the Old Believers' participation in World War I, their home front activities, the role of belief and rituals in forming relationships both while doing military service and in civil society.

Keywords: the Old Believers, World War I, the Old Believers at war service, home front activities, Rogozhskoye cemetery, Belokrinitskaya hierarchy.

Ageeva Елена Александровна

старший научный сотрудник,

Музей истории

Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова

119992, г. Москва, Ленинские Горы, 1

тел.: 8(495)9393552

e-mail: etenetta@yandex.ru

Ageeva Elena Aleksandrovna

Senior Fellow, Museum of History

Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie Gory, Moscow, 119992

tel.: 8(495)9393552

e-mail: etenetta@yandex.ru